

ИЗМЕРЕНИЯ, КОНТЕКСТЫ, ДИНАМИКА

ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ И ВОЗМОЖНЫЙ ОТВЕТ

И.Д. Фрумин

Четыре измерения в глобальной конкуренции

На сегодняшний день существуют четыре измерения в проблеме человеческого капитала, глобальной конкуренции, связанной с человеческим капиталом, которые релевантны для образования. Существуют и другие измерения глобальной конкуренции, например – военная, но образование в них играет существенно меньшую роль.

1. К этим четырем измерениям, в первую очередь, относится качество и количество человеческого капитала. В этом случае капитал и потенциал рассматриваются в единой цепочке: потенциал, который может быть трансформирован в капитал.

2. Следующее измерение – это степень социальной устойчивости. Это тоже важнейший фактор глобальной конкуренции. Безусловно, быстрее, спокойнее и стабильнее развиваются относительно социально устойчивые страны, в которых не происходит революций, беспорядков и так далее.

3. Третьим ключевым фактором глобальной конкуренции становится способность порождать и осваивать технологические инновации.

4. Четвертое измерение заключается в том, что страна, которая не поддерживает свое место среди других стран, не оказывает влияния, неспособна донести свои интересы, выстроить альянсы – проигрывает.

Эти четыре измерения становятся рамкой для очень простого вопроса: каков может быть вклад образования, и как современная система российского образования на эти вызовы отвечает? Сегодня я буду говорить о первых трех.

Старение населения

Почему количество человеческого капитала является очень серьезным вызовом? По самому оптимистичному прогнозу, население в трудоспособном возрасте к 2025 году сократится почти на одну десятую. А ведь каждый человек, особенно с учетом фактически нулевой безработицы в стране, – это человек, который производит ВВП. При этом российские экономисты считают, что это 10% ВВП. Идея следующая: есть 100% населения и 100% ВВП, т.е. 1% населения производит 1% ВВП. Таким образом, по идее, ВВП должен упасть на 10%. И что может сделать образование с количественной нехваткой?

Несмотря на то, что у нас очень много работающих пенсионеров, у нас очень много и неработающих пенсионеров, и этот потенциал не используется. И встает вопрос: а может ли образование здесь что-то делать? Конечно, может. Образование может возвращать людей на новые рабочие места, но этого не происходит.

Мигранты

Второе направление, на котором мы можем что-то сделать с количественной нехваткой, – это миграция. С миграцией у нас ситуация относительно благополучная: страна занимает второе место в мире по притоку трудовых мигрантов, т.е. у нас есть устойчивый приток относительно русскоговорящих людей. Но никакой системы интеграции их в российское общество не происходит. В то же время школа (руководство школ) не понимает, что ее заказ – это интеграция этих детей-мигрантов, превращение их в полноценных российских лояльных, продуктивных граждан. Но, с другой стороны, у школы нет для этого никаких ресурсов, и нет никакой системы. Сегодня школьная система этих детей отторгает. Но если мы задаем вопрос о нашем вкладе, то он может состоять именно в интеграции мигрантов в российское общество.

Функциональная неграмотность

Еще одна проблема связана с функциональной неграмотностью. Специалисты по экономике труда отмечают, что есть люди, в том числе и среднего возраста (30-летние), которые не способны работать в современной экономике. Андреас Шляйхер, главный разработчик и куратор теста PISA, отмечает, что по результатам данного исследования именно из людей, чьи баллы по функциональной грамотности соответствуют второму и ниже уровням в тех странах, которые не смогли вовремя отреагировать на эту ситуацию, рекрутируются преступники, экстремисты, люди, сидящие на пособиях, потому что они не получают функциональной грамотности.

Как же реагирует наша система образования на эту проблему? За последние несколько лет, начиная с 2008 года, доля детей, уходящих после школы в СПО, увеличилась в два раза. И это, как правило, дети, которые не получили базовой функциональной грамотности. С одной стороны, они получают профессию, но с другой – недополучают эту самую базовую грамотность, потому что сегодня программа общего образования в СПО сокращена до 1 года. Стандартами общего образования в СПО никто не занимается, а ЕГЭ эти дети не сдают.

Экономисты же отмечают, что впоследствии эти люди не вносят вклада в совокупный продукт, поскольку полученных ими средств хватает только на выживание. Таким образом, потеря человеческого капитала в

России – это 29% тех 15-летних, которые не осваивают, не получают этой базовой функциональной грамотности.

При этом стоит отметить, что подобная ситуация наблюдается во многих европейских странах. Даже в Финляндии эта цифра достигает 19%. Но финская система образования как раз этим детям дает усиленную подготовку в общем образовании. Она их заставляет учиться снова и снова, она их как бы возвращает, дает им второй шанс. И поэтому, по мнению финнов, к 18 годам эта цифра сокращается от 19% до 10%. В России эта цифра вряд ли сокращается с 29%.

Это видно и по тому, что премия, то есть разница в зарплатах выпускников СПО и выпускников школ, у нас очень невысокая: чуть более 10%. В то время как у тех, кто имеет высшее образование, которое у нас давно превратилось, по большей части, в инструмент общего развития, зарплата выше почти на 50%.

Качество человеческого капитала

Мир меняется, и того, что еще 10 лет назад считалось грамотностью (умение читать и писать), сегодня уже недостаточно. Так, например, по оценке Центрального банка среди взрослого населения в возрасте от 16 до 65 лет есть примерно 15% людей, которые не понимают, как пользоваться кредитными карточками. Это значит, что сегодня возможности функционирования этого человека совсем другие. В этом смысле нам надо говорить не о новой грамотности, а о новой неграмотности как колоссальной проблеме нашего населения.

Второй момент – это то, о чем говорят наши работодатели – навыки XXI века, в которых нет ничего нового: это коммуникация, кооперация. Но если посмотреть на школьные стандарты, эти навыки завуалированно называются универсальными учебными умениями. Но это не учебные умения, это жизненные умения, они надпредметные. И в этом смысле они всерьез не рассматриваются как результаты образования. То есть сегодня наша система образования не ориентирована как на результат ни на новую грамотность, ни на развитие этих навыков, которые 90% работодателей считают ключевыми. В нашей школьной программе эти ключевые навыки не являются предметом специального рассмотрения и достижения. В других же странах, например, в Корее, 15% учебного плана – это специальные виды деятельности, направленные на формирование ключевых навыков. В то же время в Финляндии матрица результатов делится на предметную и не предметную. То есть учитель понимает, что он должен достичь результатов по обоим критериям сразу.

Производительность труда и инициативность

Следующий сюжет, который связан с нашей общей культурой труда, – это низкая предприимчивость и инициативность. Производительность

труда в большей степени определяется рабочим местом. Но можно говорить и о том, что производительность труда зависит от инициативы, о мотивации. Но пока мы не формируем такие человеческие качества, как инициатива, интерес к тому, что ты делаешь. По данным НИКО – Национального исследования качества образования – мы можем проследить, насколько к 5-7 классу у детей снижается интерес к математике. Это подтверждается и результатами PISA, TIMSS: у нас, по сравнению с другими странами, в этом вопросе самый стремительный скачок вниз. Получается, что, по результатам исследования PIRLS, у нас одни из самых грамотных четвероклассников в мире, по результатам исследования PISA – одни из самых функционально неграмотных 15-летних детей. Не в мире, но, по крайней мере, среди развитых стран.

Кроме того, по доле людей, которые продолжают обучение после 25 лет, мы очень существенно отстаем от стран-конкурентов. Это значит, что в условиях, когда требуется постоянно обновлять свои компетенции, этих условий у нас нет.

Технологии

Технологии – это еще одна проблема нашей страны. Технологические достижения страны определяются тем, в каких областях у нее есть компетенции быстро осваивать эти технологии. Иначе она будет все время запаздывать в обновлении производства. Даже не обязательно самой все производить. Сингапур по крайней мере до 2010 года не производил никаких технологий, а заимствовал. То же самое касается Кореи, но ее – в меньшей степени. Есть такое понятие – «быстроразвивающиеся научные области». Россия представлена публикациями лишь в 3% глобальных научных фронтов. Для сравнения, США – в 50%, Китай – в 30%. И даже простые технологические навыки (это связано с новой грамотностью) у нас слабее, чем в других странах. У нас, конечно, есть школы, в которых появились инженерные классы, FabLab'ы и так далее. Но одна из дисциплин, которые в наименьшей степени подверглись трансформации за последние 25 лет – это «Технология». И неслучайно по результатам исследований предметы «Технология» и «Информатика» наряду с предметом «Основы религиозной культуры и светской этики», а также предметом по искусству, являются самыми непопулярными. При этом в дополнительном образовании в технические и даже спортивно-технические программы вовлечены менее 7% детей. Это показатель радикальный.

Неравенство и социальная мобильность

По результатам PISA 2015 года индекс сегрегации российских школ растет. Что такое сегрегация? Это индекс социальной однородности школ. Он показывает, что дети из богатых и образованных семей учатся в одних

школах, а дети из бедных и необразованных – в других. В целом понятно, почему так происходит: увеличивается индекс сегрегации по расселению в городах, а школы привязаны к этому индексу. Но в других странах с этим специально борются, иначе возникает прямая сегрегация, как было в южных штатах США относительно афроамериканских детей. Но проблема состоит еще и в том, что есть семьи, которые по-разному видят пространство развития. И в этом смысле мы практически формируем социальную группу людей, у которых относительно не только их самих, но и относительно их детей не видны жизненные перспективы. В то же время в элитных вузах, у которых финансирование выше, больше и детей, и семей более обеспеченных. И для страны это неблагоприятная ситуация. По результатам сравнительного исследования преподавателей элитных ВУЗов в России и еще в 5 странах, в 4 странах, кроме России, преподаватели элитных ВУЗов на вопрос «Высокий отсев детей – это признак высокого качества работы ВУЗа или низкого качества работы?» ответили, что высокий отсев – это признак плохой работы ВУЗа, в то время как преподаватели Высшей школы экономики, Московского государственного университета и Московского физико-технического института сказали, что это признак высокого качества. У нас свое представление о качестве, и его придется менять.

Таким образом, сегодня продолжается работа над поиском ответа на вопрос: как через образование можно решать те проблемы, которые встают перед нами в условиях глобальной конкуренции? И это на сегодняшний день основная наша задача.